

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

В один из дней на рабочем столе меня дождалась записка: «Позвонил позвонить читателю...» И номер телефона. Со звонком решил не откладывать. Позвонил, представился. Минутная пауза — и спокойный голос: «Дело в том, что в 1937—1938 годах я был Председателем Совнаркома БССР. И то, о чем вы писали в статье, опубликованной в «Советской Белоруссии», испытал на себе. Мог бы вам о многом рассказать».

По дороге успеваю зайти в библиотеку. Беру с полки том Белорусской Энциклопедии на «К». «Кавалер Ананас Федорович (1903 г. народившийся), дзержинский дзержинец БССР», дальше идут краткие биографические данные, из которых узнаешь не много. Одно ясно — человек, на встречу с которым я шел, действительно незаурядной судьбы.

Родился Ковалев в 1903 году в многодетной крестьянской семье в селе Лошница Борисовского уезда. Семья была в 17 душ. С самого раннего детства познал цену куску хлеба. Со смертью отца пришла лишения и беспросветная нужда, тяжелый, изнуряющий труд. В 1917-м грянула революция. Могучий вихрь пронесся и над белорусской деревней Лошница.

В 1922 году А. Ковалев вступил в комсомол. Вскоре он — признанный вожак комсомольской ячейки деревни. Различные программные задачи Советской власти, организованная борьба за ликвидацию неграмотности, разработку культурно-массовых и их прихлебателей, вел атеистическую пропаганду. В 1926 году вступил в партию.

Двадцати трех лет от роду Ковалев становится председателем сельского Совета. Ведутся доверять ему, видит в нем проводника своих интересов. Это людское доверие Афанасий оправдывает работой от зари до зари, честным, открытым отношением к односельчанам.

Но недостаток образования — всего четыре класса — давал о себе знать. Без основательных знаний новую жизнь не построить. В августе 1928 года молодого активиста направляют на учебу в Витебский кооперативный техникум.

После окончания техникума А. Ф. Ковалев в числе особо отличившихся в учебе посылается в Ленинград на высшие педагогические курсы. В 1932 году он возвращается в Витебск. Все себя отдает работе и одновременно успевает окончить три курса Московского заочного института советской торговли, заканчивает вечерний комвуз.

В 1934 году партия направляет Ковалева на партийную работу: инструктор горкома, секретарь партийного комитета фабрики «Знамя индустриализации», затем — первый секретарь Витебского горкома партии. Таковы ступени должностного роста, ставшие ступенями возмужания и зрелости как партийного руководителя.

Партийная организация Витебска послала А. Ф. Ковалева делегатом на XVI съезд КП(б)Б. Со смешанными чувствами возвращался Афанасий Федорович из Минска. Никогда не укладывалось в голову то, что на нем произошло, — обличительная речь Шаранговича, внезапная смерть Червякова, разоблачения одного за другим «врагов народа». Поползли разные слухи, кривотолки, домыслы. Как ухватить все это с замечательными успехами народа в годы первой пятилетки, с героическим энтузиазмом людей?

Вскоре Ковалев возглавил Витебскую городскую партийную организацию — вторую по численности в Белоруссии. За его кандидатуру на пленуме проголосовали единогласно. И снова работа.

В тишину одной из бессонных ночей ворвался звонок телефона правительственной связи. Звонил и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А. А. Волков, сменивший Шаранговича, который разделил печальную участь жертв репрессий 1937 года. «Афанасий Федорович», — сказал Волков, — вам надо немедленно выехать в Москву на собеседование». Ковалев хотел расспросить, с чем связана предстоящая поездка и почему такая спешка, но Волков повесил трубку.

В Москве с ним беседовали товарищи из аппарата ЦК. Напоследок его принял секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. Беседовали долго, обстоятельно. Андреев расспрашивал о положении дел в Белоруссии, о семье Афанасия Федоровича, о его партийной работе. На прощание пожал ему руку и пожелал счастливого пути.

А. Ф. Ковалев вернулся в Витебск. А неделю спустя его пригласили на Бюро ЦК КП(б)Б, где он был рекомендован Председателем Совета Народных Комиссаров БССР. Там же было зачитано решение ЦК ВКП(б) за подписью Сталина. Ковалеву шел в ту пору 35-й год.

Хозяйство досталось тяжелое — работа Совнаркома была дезорганизована.

Из рассказа А. Ф. Ковалева:
— Условия, в которых мне пришлось работать, хуже не придумаешь. Наркомы на местах не задерживались — их арестовывали, «вреди» — временно исполняющие должности также не засиживались, их постигала та же участь. Мне, человеку, неуклюжему в большой политике, относящемуся к людям с доверием, было непонятно, откуда взялось столько «врагов народа». Но у кого спросить? Кто скажет? Моего первого заместителя И. Г. Журавлева арестовали на второй месяц нашей совместной работы. Его участь разделил и второй мой заместитель — А. А. Анянчев. Сначала его отозвали в ЦК — был избран вторым секретарем ЦК КП(б)Б, потом арестовали. Назначили первым заместителем Председателя СНК А. И. Темкина, че-

никогда не видел и ничего о нем не слышал...

Я смог прочитать лишь несколько страниц. От гнева в глазах потемнело, слезы сдавливали горло, к лицу прилила кровь — дальше читать не мог. «Все, что здесь написано, — страшная ложь. Я никогда эту фальшивку не подпишу», — крикнул я и, скомкав листы, бросил их в лицо следователю Исаяву. Помню только, что по его сигналу в кабинет вошли два здоровенных охранника. Первый удар был в голову, перед глазами все поплыло, и я провалился в темноту.

Дальше было еще хуже. Его измывали, брали на измор. После 9 месяцев «активного допроса» у него распухли ноги и руки, он с трудом передвигался, изводили мучительные головные боли.

И все же А. Ф. Ковалев выстоял. Он победил своих истязателей несокрушимой силой духа, верой в торжество справедливости. Этот человек совершил подвиг. Сумел выстоять физически, не сломился морально, не давал оклеветать себя и других, спас от верной гибели десятки невинных людей, чьи имена были названы в сфабрикованном деле А ведь они, в свою очередь, могли потянуть за собой еще десятки, а то и сотни честных людей.

Дело было направлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. В ожидании суда А. Ф. Ковалева

На это ушли долгие месяцы и годы. Его восстановили в партии, вернули статус депутата. Вручая прежний депутатский билет № 787 и значок депутата, М. И. Калинин сказал: «Вы были честным человеком, коммунистом, и остались им... Это была победа, победа над злом. Шла война, Афанасий Федорович обивал пороги военкоматов, рвался на фронт, невзирая на состояние здоровья. Ему сказали — «нет». Но он чувствовал себя мобилизованным, работая на победу в глубоком тылу.

Минули годы. На XX и XXII съездах партии была сказана горькая, но очистительная правда о мрачных временах «культ личности», о разгуле беззакония и произвола. Это произнесенная во весь голос правда значила победу сил разума и света над силами зла и тьмы, возвращение к ленинским нормам партийной и общественной жизни, к ленинскому, гуманистическому идеалу социализма.

Победа А. Ф. Ковалева, одержанная задолго до принципиальных решений партийных съездов, — это свидетельство того, что во все времена истории партии, даже самые трагические, чувство справедливости и высокая мораль не покидали большинство коммунистов. И никакие бесчинства одурманенных властью и потерявших человеческий облик больших и малых деспотов не могли это

сказать. Я задал их все сразу: «Афанасий Федорович, как это все могло случиться? Почему тогда не сработал механизм социальной защищенности? Каково, по вашему мнению, мера персональной ответственности Сталина за происшедшее? Насколько обосновано утверждение, что в 30-е годы у нас в Белоруссии проводилась политика геноцида? Почему процесс реабилитации и ликвидации последствий «культ личности» был приостановлен в 60-е годы? И что означает для вас «восстановление исторической справедливости» в отношении того периода?»

Афанасий Федорович кивнул головой, словно соглашаясь с моими вопросами, минуту подумал и, медленно взвешивая каждое слово, стал говорить:

— Вы спрашиваете, как это могло произойти... Мне это и само, видно, до конца не понятно. Если бы вы знали, сколько раз этот вопрос я задавал себе... То были неминуемо трудные и в то же время — прекрасные, счастливые годы. Вся страна была охвачена революционным подъемом. Повсюду развернулось гигантское строительство. Поверьте, мы жили тогда идеями социализма, Она пробудила к жизни колоссальные силы. Вера в социализм, в светлое завтра давала массовые примеры самоотверженного труда, она подчинила волю людей суровым законам тех лет. Высоты индустриали-

стипления от демократии в «центре» принимали на местах «афанасийские» формы. Вот почему не могу поверить в то, что именно Сталин санкционировал пытки, что Сталин составлял методику «активного допроса», который место в музеях инквизиции. Нет, не следует списывать все на Сталина. А как же тогда Вышинский, Ульрих, Емков, Берин, Абакумов? А Каганович, Маленков и сотни их миниатюрных копий на местах? Нет, это дела конкретных людей, лучше сказать, не людей, которые по слованным, истеричным жизням других прикладывали себе на шею, а людей, которые сами понятию «советскому» — ничто. Так что нам-то надо воздать свое.

— Каждому свое, — вклинился в монолог Афанасия Федоровича я, — это, конечно, верно. Но как это сделать теперь, столетия спустя? Что взять за главный критерий такого справедливого суда? Если я вас правильно понял, то таким критерием должна стать общечеловеческая мораль? Другими словами — человек всегда должен оставаться человеком...

— Вот именно. Ведь издревле живут в нас нравственные заповеди, через которые в любой ситуации пережить нельзя. Нельзя, например, извещать беззащитного и немоющего, нельзя выстраивать свое счастье на чужом горе. И тут все зависит от человека, от его порядочности, от выбора, который он делает. Преступником его делает моральное падение, через него он приходит к преступлению. На моем пути, к несчастью, встречались те, для

кого достоинство М. О. Сталина, А. А. Анянчева, Ю. К. Торчарук, И. Г. Журавлев, И. И. Колобков и десятка других, с кем свела судьба в тот лихой час. Мы твердо знали, что злое наваждение сталинских репрессий пройдет, что партия и народ освободятся от его оков...

Лично я просто счастлив, что дожил до этих дней, и я верю, что теперь процесс исторической справедливости никогда не пойдет вспять. Не скрою, так же мы думали и после XX и XXII съездов КПСС. Но с середины 60-х годов процесс восстановления исторической справедливости, реабилитации жертв репрессий застопорился. Вы у меня спрашиваете — почему? Трудный вопрос. Знаю одно — тогда еще на коне были те, кто своим духом и деяниями непосредственно причастен к культуре личности, у кого от того периода оставалось много воспоминаний, связанных с выдающимися на высокие посты и должности. Они-то и воспретывали полную правду, полной реабилитации. Разве могли они добровольно выставить себя на позор?

— Афанасий Федорович, а не кажется ли вам, что на пути полной правды о том трагическом времени встала еще одна причина, назовем ее «ложным комплексом вины»? Многим влиятельным особам казалось, что честный и до конца правдивый рассказ о «культ личности» ляжет пятном на историю партии, скомпрометирует в глазах людей органы госбезопасности и правосудия. Не секрет, что эти настроения дожили и до наших дней и час от часу всплывают на поверхность...

— Партия сильна правдой. Это по-ленински. В том-то и сила партии, что она не боится сказать народу всю правду о нарушениях демократии в годы «культ личности», о роковых отступлениях от ленинских линий, об извращениях идеи социализма. Пусть эти люди страшат другое — замалчивая историю 30-х годов, урезают и недосказывают правду о разгромах тогда трагедии, они вольно или невольно становятся в позу защитников того, что глубоко чуждо по своей природе нашей партии, тем же органам госбезопасности, и наконец — идеалам социализма. Вот чего надо бояться! Ведь никто — повторю, никто — из репрессированных коммунистов, с которыми мне пришлось разделить чашу горечи, не отступился от партии, не озлобился на нее, Верили в победу здоровых сил.

И потом вы говорите: «скомпрометирует в глазах людей». Но ведь люди же обо всем знают. Люди только хотят получить ответ на вопрос: почему так стало, кто виноват? Этого требует историческая справедливость. И память о всех тех, кто до конца в нее верил, кто с ней сошел в небытие. Правда о прошлом нужна ныне живущим, она должна служить сегодняшнему дню. И самое главное — правда не должна прожидать эпохи истинности. Этого бы меньше всего хотели те, кто больше всех в те годы пострадал. Ведь не жаждя крови, а жаждая справедливости не покидала и не покидает нас. А разве справедливости совместима со злой памятью — злопамятством или мстительностью? Уверен, нет.

Но для меня также ясно и то, что нельзя сказать правду о 30-х годах, не назвав конкретные имена, — и тех, кто оказался без вины виноватым, кто стал образцом мужества и верности идеалу в труднейших испытаниях, и тех, кто «карала, забыв о совести, и их многочисленных прихлебателей, строчивших клеветнические доносы на своих товарищей. А ведь знали, прекрасно знали, чем это все грозит. И такие люди спокойно живут и теперь среди нас. Многие из них — «заслуженным» отдуле, персональные пенсии получают, эдакие «тихие пенсионеры»... Как они людям в глаза смотрят, я удивляюсь. Их имена должны быть названы, пусть хоть теперь, с опозданием на столетия познать людское презрение. Вот тогда и можно будет сказать, что справедливость восторжествовала.

...Уходил я от Афанасия Федоровича поздним вечером. Но про себя твердо решил, что приду сюда еще раз. Перед тем как шагнуть за порог, я спросил у него, кто из его соратников по борьбе со злом, из тех, с кем он прошел по ступям следствия, тюрьмы, жив и сегодня. Афанасий Федорович ответил: «Никого не осталось». В тот миг я особенно остро понял, как важно нам теперь добиться окончательной и бесспорной исторической справедливости в отношении периода «культ личности». Чем мы, потомки, сможем отплатить всем тем, кто пал в годы репрессий или ушел из жизни позже, не дожидая дня справедливого суда? Только полной правдой. Во всеуслышанье. Ведь таких их наказ, и мы должны его выполнить во что бы то ни стало. И должны правду эту собрать по крупицам, по маковому зернышку, расспросив о ней у живых свидетелей той нечастной поры. У тех, кто сегодня еще рядом с нами.

Анатолий МАЙСЕНЯ.

ИМЕНЕМ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А. Ф. Ковалев (1937 г.)

перевезли в Москву и поместили в печально известную Бутырскую тюрьму. Девять месяцев томительного ожидания.

Из рассказа А. Ф. Ковалева:
— Теперь я впервые увидел всех вместе. Было человек десять — «врагов народа», «индивидуалов» в групповом контроле, а в центре — Анянчев, бывший второй секретарь ЦК КП(б)Б, В. И. Пилотский, бывший нарком просвещения БССР, а. д. Потемкин, бывший секретарь ЦК КП(б)Б, М. О. Станюк, бывший Председатель ЦК БССР. Остальных я не знал и никогда с ними не встречался. Все подсудимые имели страшный вид — обрившие бороды, в расстегнутых мундирах и с опухшими глазами и синяками под глазами. Лица изможденные, изрезанные глубокими морщинами. Судимость — тридцать два года, а физический износ — в глазах каждого теплится надежда. Вера в лучший исход не покидала нас.

...Судебное разбирательство, продолжавшееся за закрытыми дверями, обнажило факты чудовищной подтасовки, инсинуаций, лжи. Даже у всего повидней в те мрачные времена Военной коллегии очевидная беспочвенность обвинений вызвала смутнение. Дело А. Ф. Ковалева вернули на повторное расследование в Минск.

Здесь отношение к нему решительным образом изменилось. Следствие теперь велось корректно, с полным соблюдением законности. Это было небыло и земля, как говорил А. Ф. Ковалев, по сравнению с тем, что ему пришлось испытать год назад. С новым следователем — интеллигентным молодым человеком, у Афанасия Федоровича установились вполне нормальные отношения.

Ни одно из предъявленных ему обвинений не подтвердилось. На прошение следователя скажет ему, недоумевая: «Не пойму, чего вас тут держат?» Материалы дела были отосланы в Прокуратуру СССР. Он со дня на день дождался освобождения из тюрьмы. Но напрасно. Решение прокурора СССР о его освобождении, действительно, было подписано в октябре 1940 года, но с этим решением не поспитались. Это было уже беззаконие в квадрате.

Кому-то было невыгодно выпускать А. Ф. Ковалева на свободу. По злой воле этих людей он еще более полтора лет томился в тюрьмах. Прошел через полощую тюрьму, затем мучительный этап в Сибирь, томская тюрьма и, наконец, тобольская каторжная, выжить в которой не всем было суждено.

Но человек продолжал бороться за свою честь, снова и снова писал письма в Прокуратуру СССР с требованием рассмотрения его дела. И его голос был услышан. 7 апреля 1942 года, спустя тысячу с чем-то дней и ночей ада, он впервые вдохнул воздух свободы. Изможденный, с подорванным до предела здоровьем, имея открытую форму туберкулеза, на предельно нервном изтожении, он начал новую жизнь. Начал борьбу за свое честное имя и облик коммуниста.

чувство справедливости, эту мораль вытравить из человеческого души.

Ненормально сложилась жизнь Афанасия Федоровича в дальнейшем. Пришлось изведать ему сполна горечь утраты самых близких людей, не вынесших неморальского напряжения и мук ожидания, выключенного на семье тавра «врага народа». Испытал он и предсказанную остроту наказания — в кого раньше верил без остатка.

После войны организовал потребительскую кооперацию. Молдавией, потом приехал в родную Белоруссию, в Минск. Больше двадцати лет, до самого выхода на пенсию, работал заместителем председателя Белорусского Совета А. Ф. Ковалев — персональным ленинским соратником. Но не в его характере сидеть сложа руки: много лет, делится воспоминаниями с молодежью, активно участвует в работе партийной организации.

Без срока давности

«Вот и все», — со вздохом сказал Афанасий Федорович, и заметил про себя: нелегко ему далось эти воспоминания вслух.

Как это могло произойти? Еще задолго до беседы с Афанасием Федоровичем я старательно задавал этот вопрос себе, и всякий раз, признаюсь, не находил большого утешения в собственных ответах. А вообще, способны ли мы в полной мере разоблачить трагическую тайну того времени? Те, кто не пережил его. Точно так, наверное, наши потомки будут недоумевать над тем, как мы совершили беззастенчиво сносили двадцать лет бюрократическую серость и духовную затхлость.

И все-таки, как бы сложно ни было, но надо взять на себя труд и понять дух того времени. И как бы ни было трудно, мы должны, обязаны постичь главное — логику минувших событий, лежащие в их основе мотивы, чтобы по истории идти дальше не наощупь с посохом слепца, а с выверенным компасом. И по нему выстраивать главные ориентиры движения.

А для этого нужно иметь в руках факты, архивы, подлинные документы. К сожалению, это непреломное условие исторического исследования пока остается в проекте. Кроме того, думается, особое внимание нам сегодня стоит уделить межуэтническим, ибо ничто не может нам окупиться в атмосферу той эпохи, проникнуться ее духом так, как это помогают делать воспоминания людей, мысли и чувства которых формировались на гонимом круге того времени.

...Голос Афанасия Федоровича преврал мой размышления: «Жизнь прожить — не поле перейти. Вам это еще предстоит постичь, молодой человек, — и при этих словах он добродушно улыбнулся. Эта улыбка ободрила, и я решился теперь во что бы то ни стало задать ему те самые мучительные вопросы, которые не давали мне покоя во время рас-

зачи и коллективизации надо было брать с ходу, штурмом. Добавить сюда еще и враждебное внешнее окружение, непреодолимые призывы империализма уничтожить первое в мире социалистическое государство. Поэтому мы и принимали необходимость жесткого административного, единоначалия, применяя это как вынужденную меру. Как неизбежную, но, думается, переходящую не жесткие административные стали, и соединению, единому лорной общественной жизни. Борьба за свободу и независимость России и принуждения. Насилие в отношении настоящих, открытых врагов социализма стало распространяться на ленинских соратников, на тех, чьи имена были известны всем. А именно, которых стали почитать частные люди. И здесь, я убежден, огромная ответственность лежит на Сталине. В первую очередь он повинен в создании «культ личности» Сталина, а также в усилении классовых борьбы на этапе развернутого строительства социализма. Сильно вредно на модели. Не следует забывать, что Сталин в то время боролся как синоним «революционной преданности». И пошла — ни дня без очередного разоблачения. Разоблачительство даже в моду вошло — чем больше «врагов народа» выдвигался «на-гора», тем острее у себя революционная бдительность. Питательная среда для бюрократических карьеристов. Уверен, что Сталин при всей своей изощренности даже не предполагал, что его действия могут вызвать такую ценную реакцию населения по всей стране. Он сам не мог уже ее остановить, если бы и хотел. Потребовался длительный «путь торжеств» и после Сталина. Ведь до чего доходило — отсылки и ликвидации «врагов народа» по разнарядке. Сколько жить буду, не забуду, как однажды в ЦК и Волкову пришел Берман. Я как раз был у Волкова по делам, обсуждали, кажется, ход подготовки и предстоящей посевной кампании. Берман вошел в кабинет — какой-то озабоченный и прямо с порога обратился к Волкову: «А что мне делать, Алексей Алексеевич, ума не приложу! Емлю выше закона, выше Конституции! Сталину, я так понимаю, порог обратился к Волкову: «А где их взять? Нет уже».

Мы спрашиваем, почему не сработал тогда механизм социальной защиты? Да потому что органы НКВД были поставлены выше закона, выше Конституции. Сталину, как Председателю Совнаркома не имел никаких прав контроля за деятельностью этого наркомата. Мое же, как один контролировал, им все было позволено. Берман, а потом Цанева значились в Совете лишь формально. Не были подотчетны ни ЦК БССР, ни Партия, ведь контроль был принят, если в вообще считал партийным контролем то, что по действовавшему порядку органы НКВД согласовывали выше закона, выше Конституции, руководителем в чаще всего просто ставили его перед фактом. А факты эти они докладывали любой ценой, закон для них не существовал. Нет уж, упоение силой и бесконтрольностью, злоупотребления властью сплошь и рядом... Но как бы там ни было, ни за что не соглашусь, что в Белоруссии в 30-е годы проводилась политика геноцида. Если так, то против кого она была направлена? И кто истреблял белорусов? Русские? Евреи? Чужие? Нет уж, только незнание той обстановки или сознательное передеформирование фактов может привести к такому заключению. Ведь репрессии коснулись не только белорусов, волна репрессий по всей стране прокатилась. И повсюду один и тот же принцип — чем громче и скандальнее разоблачение, тем лучше. Карьеризм и моральная нечистоплотность за этим стояли. По долгу службы мне приходилось не раз встречаться с руководителями советских органов Украины, Смоленской, Брянской и других областей РСФСР. У них в то время тоже полным ходом «врагов народа» обезвреживали. Снажу больше: нигде потом я не сталкивался с таким жестоким обращением, с таким садизмом, как «на местах», во время следствия. От-

кого нравственные заповеди были не больше, чем фикция. Жестокое корыстолюбие, карьеристы-недоучки, моральные уроды. Я часто себя спрашиваю: где теперь мои мучители: начальник следственного отдела Сотиков, старший следователь Лебедев, следователь Исаяв? Как сложились их судьбы? Если живы, неужели их по ночам не терзает угрызения совести? Не забуду, как однажды во время очередного допроса в кабинет Исаява зашел Сотиков. Надо было видеть, с каким презрением он взирал на меня а тот день. На груди у него сиял новенький орден Красной Звезды, полученный, видно, «за особые успехи по обезвреживанию контрреволюции в Белоруссии».

Но ведь были на этих же местах и другие люди. Простите себе не могу, что забыл фамилию следователя, который вел мое дело уже после того, как я побывал на Военной коллегии Верховного суда СССР. Вот тот был настоящим наследником «рыцаря революции» Ф. Э. Дзержинского. Так что сам человек решал, шагать ему в обнимку с подлостью и ложью или же блисти свое достоинство. Да, согласен, не просто было устоять, не поддаваться, превозмочь, но это от него, от человека, зависело. Помните, у Данте есть прекрасные строки, которые любил цитировать К. Маркс:

Здесь нужно, чтоб душа была тверда, — здесь страх не должен подвигать совета.

Эти слова Афанасий Федорович произнес как-то особенно торжественно.

— Так вот, ничто, никакая идея не может оправдать разгула насилия и репрессий в конце 30-х годов. И самое главное, что народ не верил в эти бредовые обвинения. Люди не верили, что их знакомые, друзья и близкие могли оказаться вдруг «врагами народа». Не верили и не противились — вот беда. Кампания насилия в годы «культ личности» оправдывали «обострением классовых борьбы», «укреплением диктатуры пролетариата», но это была кощунственная ложь. Рабочий народ никогда не хотел и не одобрял такого насилия. Как раз наоборот, он всегда проявлял милосердие и сочувствие к жертвам сталинских репрессий и их семьям. Кто в душе, а кто и открыто, не боясь за это попятиться. До конца своих дней буду благодарен тем добрым женщинам, простыми труженицам комбинатно-ремной фабрики в Минске за то, что в самый тяжелый час поддержали мою семью. А ведь знали, что это семья «врага народа».

Тут Афанасий Федорович преврал свой рассказ и обратился ко мне с просьбой: — Если когда-нибудь придется писать об этом, передайте низкий поклон этим людям. За свою жизнь я сотни раз убеждался, что народ всегда отличил добро от зла, чем бы последнее ни прикрывалось. Нутром своим учует. Так что суда памяти людской не избежит никто, и это, думаю, когда на исходе были последние силы, никто из нас — ни я, ни мои друзья по несчастью — не теряли веру в справедливость. С этой верой многие и уходили из жизни. Жизнью поплатились за свое челове-